

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК / UDC 398.22

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-212-222

Маркеры этничности в песнях бурят о Чингис-хане

Людмила Санжибоевна Дампилова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Дампилова Л. С., 2022

Аннотация. *Введение.* В данной статье легенды, предания и песни о Чингис-хане, записанные в экспедициях по Бурятии, Монголии и Китаю, анализируются в сравнении с архивными и опубликованными материалами. *Целью* работы является выявление отличительных особенностей в фольклорных текстах о Чингис-хане в разной языковой и этнической среде. В связи с вопросом о возрождении национального самосознания все более актуальны исследования об особенностях этнической культуры. *Методы.* Впервые в компаративном аспекте рассматриваются локальные варианты песен бурят о Чингис-хане. Для выявления этнических маркеров применяется семантический контекстный анализ. *Результаты.* В статье рассмотрены песни о Чингис-хане как локального, так и общемонгольского значения. Песни о родственной связи с Чингис-ханом и прародине бурят Наян-Нава имеют локальное, узко племенное значение и связаны с историей хори-бурят. Песни с мотивом о погоне имеют параллели с сюжетами общемонгольских топонимических легенд. Известная монгольским народам песня «Два скакуна богдо» (*Богдын хоёр загал*) восходит к монгольской средневековой литературе, к «Повести о двух скакунах Чингис-хана». Песни рассмотрены в сравнении с преданиями, легендами и памятником «Сокровенное сказание монголов». *Заключение.* Контекстное сравнение песен о Чингис-хане с преданиями и письменными памятниками выявляет скрытый глубинный пласт в семантике текста. В песнях бурят России и Монголии определены древние истоки мотива о родственной связи с Чингис-ханом, восходящие к исторической родине. У шэнээнских бурят Автономного района Внутренняя Монголия (Китай) установлена сохранность аутентичного материала в изолированной среде, у монгольских бурят определены трансформация и заимствование песен в близкой этнической культуре. Также констатируется исчезновение песен о Чингис-хане у современных бурят России. В целом сравнительный анализ песен бурят о легендарном полководце доказывает их создание на исторической родине в России и сохранность как в иноэтнической (китайской) среде, так и в родственной (монгольской) среде.

Ключевые слова: шэнээнские буряты, монгольские буряты, песни, предания, полевые материалы, архивные записи, трансформация, этносоциальные процессы

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания — проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона» (номер госрегистрации: 121031000259-6).

Для цитирования: Дампилова Л. С. Маркеры этничности в песнях бурят о Чингис-хане // Монголоведение. 2022. Т. 14. №. 1. С. 212–222. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-212-222

Buryat Songs about Genghis Khan: Tracing Ethnicity Markers

*Liudmila S. Dampilova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6 Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Dampilova L. S., 2022

Abstract. *Introduction.* The article analyzes legends and songs about Genghis Khan recorded in expeditions across Buryatia, Mongolia and China — to further compare them with related archival and published materials. *Goals.* The work aims at identifying distinctive features inherent to folklore texts dealing with Genghis Khan in different linguistic and ethnic environments. The issue of revival of ethnic consciousness actualizes insights into ethnic culture and its peculiarities. *Methods.* The paper is first to consider local versions of Buryat songs about Genghis Khan in a comparative aspect. Semantic contextual analysis proves instrumental in revealing ethnic markers. *Results.* The article discusses songs about Genghis Khan of both local and general Mongol significance. Songs about kinship with Genghis Khan and the ancestral homeland of Buryats — Nayan Nava — have a local and specifically tribal meaning being connected to the history of the Khori Buryats proper. Songs with a motif of chase contain parallels with plots of all-Mongol toponymic legends. The song titled ‘Two Steeds of Bogdo’ (Bur. *Bogdyn hoyor zagal*) and known among the Mongolic peoples dates back to the Mongolian medieval literature — The Tale of Two Steeds of Genghis Khan. The songs are examined in comparison with legends and The Secret History of the Mongols. *Conclusion.* Contextual analysis of songs about Genghis Khan along with legends and The Secret History reveals a hidden deep layer in the semantics of texts. The songs of Russia and Mongolia’s Buryats identify ancient roots of the motif of kinship with Genghis Khan that date back to the historical homeland. The Shinehen Buryats of the Inner Mongolia Autonomous Region (China) have shown a perfect preservation of authentic materials in an isolated environment, while Mongolia’s Buryats experienced a transformation and song borrowings in the close ethnic culture. The paper also concludes there are virtually no such songs about Genghis Khan among modern Buryats of Russia. In general, the comparative analysis of Buryat songs about the legendary warlord proves those had been created in their historical homeland of present-day Russia to be further preserved both in the alien (China) and kindred (Mongolia) ethnocultural environments.

Keywords: Shinehen Buryats, Buryats of Mongolia, songs, legends, field materials, archival records, transformation, ethnosocial processes

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000259-6 ‘Peoples of the Baikal Region: Exploring Ethnocultural Identity in Architectonics of Folklore and Literary Texts’.

For citation: Dampilova L. S. Buryat Songs about Genghis Khan: Tracing Ethnicity Markers. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 212–222. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-212-222

Введение

Сегодня в этнической Бурятии особо востребованы и обсуждаются известные исторические имена общемонгольского значения. Это связано как с вопросом об этнической идентичности, так и с процессами «демонстрации собственной самобытности и исторической значимости своих народов» [Этнический... 2012: 60].

В экспедициях по Бурятии, Монголии и Китаю нами записано множество легенд, преданий и песен, связанных с именем Чингис-хана. Целью данной работы является установление этнического компонента в фольклорных текстах, выявление отличительной особенности опубликованных, архивных и полевых материалов о Чингис-хане, записанных у бурят России, Монголии и Китая. Актуальным представляется отражение в фольклорных жанрах вопросов, связанных с генеалогией и биографией Чингис-хана, как части этнической истории монгольских народов.

Методы анализа

Впервые в отечественной фольклористике в сравнительном аспекте устанавливается связь песенного репертуара о Чингис-хане монгольских и российских бурят с легендами и преданиями монгольских народов. В сравнительном анализе фольклорных материалов учитывается этнотерриториальный аспект исследования, ибо распространение вербальной культуры монгольских народов тесно зависит как от территориальных, так и племенных, генеалогических связей. Не менее востребованным является семантико-герменевтический анализ фольклорных материалов, записанных в разное время и в разной языковой среде.

Мотив родства в песнях о Чингис-хане

Связь рода Чингис-хана с древней историей земли Баргуджин-Тукум явилась поводом для появления многочисленных легенд, преданий и песен. В Баргузинской долине Бурятии распространены рассказы о том, что с этой земли начался род Чингис-хана, и именно отсюда его первопредки — Борте-Чино и Гуа-Марал. В связи с тем, что монгольские племена (баргуты, хорчины) откочевали с Баргузинской долины, также существуют разные версии преданий о том, что на земле своих первопредков был похоронен Чингис-хан, поэтому монголам было велено на 300 лет покинуть этот край как запретную зону [ПИМА 2003: Бадмаев].

Зачастую поводом для подобных устных историй с ложной этимологией является основной письменный источник по истории монгольских народов, свидетельствующий о том, что древние монголы были связаны с территорией Прибайкалья: «Предком Чингис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море)» [Сокровенное сказание 1990: 12–13]. Озеро Байкал называлось Тенгис-мурен.

Не менее продуктивной для распространения устной прозы и песен оказалась история первопредка борджигинов Добун-Мергена, вступившего в брачную связь с представительницей земли Баргуджин-Тукум: «А по поводу той племенной группы выяснилось так: Баргучжин-гоа, дочь Бархудай-Мергена, владельца Кол-баргучжин-догунского, была выдана замуж за Хорилартай-Мергена, нойона Хори-Туматского. Названная же Алан-гоа и была дочерью, которая родилась у Хорилартай-Мергана от Баргучжин-гоа в Хори-Туматской земле, в местности

Арих-усун» [Сокровенное сказание 1990: 13]. Известно, что хори-туматская земля входила в состав страны Баргуджин-Токум, которая территориально совпадала с современной Бурятией.

На эту тему монгольские буряты племени хори сохранили и поют старинную песню «Тэмуджин»:

<i>Хубахан шэхэтэй хааралхан</i>	‘С маленькими ушками буланый
<i>Хулжажса л ябаһаар морин болоо,</i>	Убегая, конем стал,
<i>Хорожо л үдэнэн Тэмүжэмнай,</i>	Прячась, выросший Тэмуджин наш
<i>Хоротоноо даражса баатар болоо.</i>	Врагов подавляя, богатырем стал.
<...>	
<i>Бугахан түхэлтэй хааралхан</i>	На олененка похожий буланый
<i>Бууралхан гүүнэй унаган юмэ,</i>	Седой кобылицы жеребенок,
<i>Буряадхан гарбалай Шэнгэс хаамнай</i>	Имеющий бурятское происхождение Чингис-хан наш
<i>Баруунхан хуасайн зээ юмэ.</i>	Приходится внуком [роду] <i>баруун хуасай</i> .
<i>Хубахан шэхэтэй хааралхан</i>	С маленькими ушками буланый
<i>Хулахан гүүнэй унаган юмэ,</i>	Саврасой кобылицы жеребенок,
<i>Хорихон гарбалай Шэнгэс хаамнай</i>	Имеющий хоринское происхождение Чингис-хан наш
<i>Холохон Боржогоной хүбүүн юмэ.</i>	Приходится сыном дальнему [роду] <i>борджигин</i> ’. [ПМА 2012: Алтанцэцэг] (Перевод здесь и далее Л. С. Дамтиловой)

Что знаменательно, эта песня не только рассказывает о нелегком становлении Чингис-хана героем по известным фактам из «Сокровенного сказания», но дает дополнительные локальные сведения, что Алан-гоа из племени хори, рода хуасай. Это уточнение доказывает, что песня создана хоринскими бурятами. Здесь в качестве этнически обозначенных маркеров можно выделить характерные для монгольских народов родословные предания и генеалогические карты, которые веками запоминались и устно передавались из поколения в поколение. В «этнокультурной панораме» имеет особое значение локальный характер данной песни, «известно, что локальность традиционной культуры — важнейший фактор ее развития» [Андреева 2014: 7].

Трафаретная для монгольских и бурятских песен параллельная конструкция, сравнивающая Чингис-хана и его коня, раскрывает одинаковый мотив пути сироты до хана и строптивного жеребенка — до богатырского коня. Песня восходит к известному формульному выражению монголов: *Дархан дор хүлэг, дахан дор эр* ‘Под воином скакун, под шубой — мужчина’. Особенность формульных выражений в том, что они маркируют «традиционные смыслы и создают ту действительность, которая воспевается в песнях» [Мальцев 1989: 63].

В сборниках исследователя и собирателя бурятских песен в советское время Д. С. Дугарова нет сведений об этой песне. Современные российские буряты хоринского происхождения помнят песни о своих родовых богатырях, но песни про Чингис-хана не сохранились. Может быть, в экспедициях в советское время боялись записывать песни про Чингис-хана, а со временем они забылись? Что

удивительно, в монгольской экспедиции 1967 г. в Булганский, Селенгинский аймаки Монголии (1967 онд Сэлэнгэ, Булган аймагт явсан шинжлэгээний ангийн цуглуулга) методом сплошного сбора записано более семидесяти исторических, религиозных, революционных песен и гимнов, и нет среди них ни одной песни о Чингис-хане [Архив МШУА ХЗХ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 1–19]. Поэтому большой удачей была найденная в архиве Ц. Жамцарано «Чингисова песня», записанная у хоринских бурят в 1906 г., с традиционным мотивом охоты и с упоминанием о родственной связи:

<i>Набшахан доохонуур гүйгөөшэ,</i>	‘Под листьями скачущий
<i>Наршихан дуутай инзаган,</i>	Тонкоголосый олененок,
<i>Нахигар газар харбагша</i>	Во впадине стреляющий
<i>Манай Чингис хурайха!</i>	Наш зять Чингис!’

[Жамцарано 1906]

Песню можно расшифровать только в контексте предыдущей песни и преданий о Чингис-хане. Текст доказывает, что хоринские буряты издавна пели песни о своем именитом зяте. Скорее всего, вариант монгольских бурят привезен с исторической родины. Буряты Хэнтэйского аймака Монголии, ныне живущие на родине Чингис-хана, поют песни, маркируя свои близкие отношения как с великим ханом, так и со всем монгольским народом. Большое количество халха-монголов причисляет себя к роду борджигин, в связи с чем тенденцию выявления своих корней и особенно родственной связи с великой личностью можно считать особенностью менталитета.

Прародина бурят Наян-Нава

Одной из самых обсуждаемых и как будто связанной с именем Чингис-хана считается песня хоринских бурят о земле Наян-Нава, откуда вернулись хоринские буряты после военных походов с чингисидами. Буряты России, Монголии и Китая одинаково поют распространенный вариант песни:

<i>Наян, Наян, Наялай,</i>	‘Наян, Наян, Наялай
<i>Наян-Наваа минии гү?</i>	Наян-Нава моя ли?
<i>Заян, Заян, Заялай,</i>	Заян, Заян, Заялай,
<i>Заян-Наваа минии гү?</i>	Заян-Нава моя ли?
<i>Байдан, Байдан Байдалай,</i>	Байдан Байдан Байдалай,
<i>Байдан-Его минии гү?</i>	Байдан-Его моя ли?’

[ПМА 2012: Алтанцэцэг]

Немного измененный вариант этой песни *Наян, Наян, Наян лэ, Заян, Заян, Заян лэ, Заян Наваа минии гү?* ‘Наян, Наян, Наян ли, Заян, Заян, Заян ли, Заян Нава моя ли?’ записан Б. Барадиным в начале XX в. и приводится в его исторической драме «Великая сестрица — шаманка» (*Ехэ удаган абжаа*) [Барадин 1999: 70].

Ядро песни во всех версиях в основном состоит из географических названий обетованной земли. По основному мотиву песни сочинены более эмоциональные, психологически развернутые куплеты. Следующий текст распространен у монгольских бурят:

<i>Заян, Заян, Заялай</i>	‘Заян, Заян, Заялай
<i>Заянаймнай нютаг лэ.</i>	Предопределенная судьбой наша родина.
<i>Заян, Наваа хоёрнай</i>	Заян и Нава
<i>Жааханаймнай аянга.</i>	Нашего детства мелодия.
<i>Байдан, Байдан, Байдалай</i>	Байдан, Байдан, Байдалай
<i>Бааханамнай нютаг лэ.</i>	Нашего детства родина.
<i>Байдан Его хоёрнай</i>	Байдан и Его
<i>Бааханамнай аянга.</i>	Нашего детства мелодия’.

[ПМА 2012: Алтанцэцэг]

Этот вариант песни поют и российские буряты, так что смело можно утверждать, что песня привезена с исторической родины. В последние годы особый интерес вызвали поиски земли Наян-Нава на Ближнем Востоке, с попыткой связать ее с именем внука Чингис-хана Хулуг-хана. Б. Р. Зориктуевым тщательно проанализировано данное предположение и достоверно доказано, что «хоринцы в XIII веке в составе монгольских войск на Тигре и Евфрате не были, следовательно, иракский топоним Найнава, которому Ц. Ц. Доржин, приспособившая к названию песни „Наян-Нава“, придал форму Наи-нава, никто к Байкалу не приносил» [Зориктуев 2020: 14].

Подобные истории, связанные с легендарным именем, распространенные не только в народных преданиях и легендах, но и в научной литературе, еще раз доказывают актуальность темы о Чингис-хане как этническом маркере. Следует подчеркнуть, что в бурятских оригинальных песнях о Чингис-хане отмечены моменты, подразумевающие, «что запоминанию подлежат (фиксируются механизмами коллективной памяти) исключительные события» [Лотман 2000: 364]. Также вероятно, что, связывая поиски исторической родины с именем Чингис-хана, буряты еще раз подчеркивают свою этническую близость с родственным монгольским народом.

Мотив погони в преданиях и песне о Чингис-хане

В современном фольклоре бурят в живом бытовании сохранились топонимические предания о Чингис-хане. Существуют варианты преданий реалистического характера о погоне хана за лисицей во время охоты, этимология названий местности в каждом случае соотнесена с действиями героя [Маслова 2008: 157].

Выделяется второй вариант преданий с элементами легенды о прекрасной жене-оборотне Чингис-хана, которая, превратившись в черную лисицу, убегает от ханской погони [ПМА 2010: Раднаева]. Обратни в монгольской традиции обычно превращаются в черных лисиц. Этот же сюжет, но с другими топонимическими названиями, повторяет предание «След погони» о жене-оборотне хана [Небесная... 1992: 297–298]. Думается, что жанр преданий оказался наиболее устойчивым и востребованным в устной традиции бурят, тогда как в современном репертуаре российских бурят не сохранились песни о Чингис-хане.

Следующую «Песню о Чингис-хане» (*Чингис хаан тухай дуу*) дореволюционного периода, сохранившуюся в сборнике А. М. Позднеева, можно расшифровать в сравнении с преданиями о погоне за лисицей на охоте:

<i>Шэлэ шэлээр гүйһэн</i>	‘По горам, горам бегущая
<i>Шэхэн хара үнэгэн,</i>	Черноухая лисица,

<i>Шэн гоёор бүтээхэн</i>	Прекрасно изготовленные
<i>Чингис хаанай хуяг байна.</i>	Доспехи Чингис-хана.
<i>Голоор, голоор гүйхэн</i>	По долинам, долинам скачущая
<i>Гоё шара үнэгэн,</i>	Красивая рыжая лисица,
<i>Гоёл шэмэгээр бүтээхэн</i>	С искусными украшениями изготовленные
<i>Гуулин хаанай хуяг байна.</i>	Доспехи Гулин-хана’.

[Позднеев 1880: 184–195]

В тексте нет явного мотива погони за лисицей, но параллельное сравнение бегущей лисицы и доспехов Чингис-хана апеллирует к преданиям, связанным с этой темой. Упоминание имени Гулин-хана, связанного с историей хоринских бурят, дает возможность отнести и эту песню к хоринским текстам. Мотивы облавной охоты, погони за зверем, за врагом являются универсальными в песнях и преданиях монгольских народов о Чингис-хане. Вопрос о специфике реальности в народных песнях, на наш взгляд, связан с принятыми традицией устойчивыми образами. Базовые этнические модели повторяются как в устной прозе, так и в песнях.

Песня «Два скакуна богдо» (*Богдын хоёр загал*) как этнический маркер

По мотивам средневековой «Повести о двух скакунах Чингис-хана» (о том, «как два скакуна, обиженные невниманием Чингиса, ушли из ханского табуна в дальние края, отдохнули и отъелись на хорошей траве и вкусной воде. Вернувшись, они отличились во время охоты») [Шастина 1985: 685] монгольские народы сочинили песню. На территории проживания монгольских народов поют с небольшими вариациями под разными названиями: шэнэхэнские буряты — «Гребень Зэрэлгэтэ» (*Зэргэлгээтын шэлэ*) и «Два скакуна богдо» (*Богдын хоёр загал*), у алашанских хошутов и олетов песня называется «Два скакуна» (*Хоёр загал*), у ордосских монголов — «Два скакуна хозяина богдо» (*Эзэн богдын хоёр загал*), у халха — «Гребень Зэрэгэнэтэ» (*Зэрэгэнээтын шил*). Буряты в Монголии поют песню о двух скакунах Чингис-хана «На гребне Зэрэлгэтэ» (*Зэрэлгээтын шэлэдэ*):

<i>Зэрэлгээтын шэлэдэ</i>	‘На гребне Зэрэлгэтэ
<i>Зэрлиг буга дуудана,</i>	Дикие изюбры кричат,
<i>Зэргэшуулэхэдэжэ харахадам</i>	Когда, сравнивая, смотрю,
<i>Богдын хоёр загал лэ.</i>	Два скакуна богдо.
<i>Бага загал байзыш</i>	Маленький скакун, погоди,
<i>Балай юндэ л яарабаш,</i>	К чему тебе спешить,
<i>Ехэ загал байзыш</i>	Большой скакун, обожди,
<i>Ехээр юндэ л яарабаш.</i>	Зачем тебе сильно спешить.
<i>Алтайрагшын шэлэдэ</i>	На гребне Алтая
<i>Арбаадхан буга дуудана</i>	Десять оленей кричат.
<i>Адлидхажэ харахадам</i>	Когда, сличая, их смотрю,
<i>Богдын хоёр загал лэ.</i>	Два скакуна богдо’.

[ПМА 2012: Алтанцэцэг]

Далее приводим продолжение текста и отдельно рассматриваем первые двенадцать строк из песни, ибо эта часть полностью семантически совпадает с монгольской версией. Только в бурятском тексте отсутствуют завершающие

четыре строчки известного монгольского варианта: *Өндөртэйхэн газар / Харууслан барин явъя, / Өвстэйхэн газар / Хазлан барин явъя* ‘Земли с возвышенностями, / Придерживаясь, едем. / Землю с травами, / Пощипывая, едем’ [ПИМА 2012: Алтанцэцэг]. Халха-монголы в песне развивают основную тему повести, без эмоциональной нагрузки рисуют повествовательную картину, где только уточняется, что вольно пасутся скакуны Чингис-хана. Вторая часть бурятского варианта песни еще в четыре куплета, косвенно касаясь имени Чингис-хана, развивает новую тему. И, как нам сообщали информанты, у других монгольских племен нет этого продолжения. Буряты эмоционально развернули песню, превратив ее в лирическую прощальную песню воина:

<i>Ама сагаан хулаши</i>	‘Белоротого кулана
<i>Амье нь дахуулан намная,</i>	За рот потягивая, погоним.
<i>Аба л хаанай албанда</i>	На службу хана отца,
<i>Агсахадажа мордоё.</i>	Изнемогая, поедем.
<i>Хушуу сагаан хулаши</i>	Беломордого кулана,
<i>Хушууруулахадажа намная,</i>	За морду потягивая, погоним.
<i>Хуушан хаанай албанда</i>	На службу старого хана,
<i>Хуяглахадажа мордоё.</i>	Надев доспехи, поедем.
<i>Хажа л мунгэн хаадагни</i>	Колчан в серебряной оправе
<i>Хажуу газар жэбэрбэл,</i>	На сторонней земле заржавел,
<i>Хайран бага наһамни</i>	Бедная моя молодость
<i>Харшин газар нугшэбэл.</i>	На чужбине сгнула.
<i>Хүжэ л мунгэн хаадагни</i>	Колчан мой в серебряной оправе
<i>Хүдөө газар жэбэрбэл,</i>	В степи заржавел,
<i>Хүбүүн жаахан бэемни</i>	Молодое тело мое
<i>Хүнэй газар нугшэбэл.</i>	В чужой земле осталось’.

[ПИМА 2002: Цэвэлмаа]

Вполне можно считать вторую часть песни самостоятельной, ибо нет прямой смысловой связи с распространенным у всех монгольских народов вариантом о двух скакунах Чингис-хана. Песня как внутренний монолог героя имеет традиционную параллельную конструкцию. Сначала сравнивается подготовка коня и призыв на службу в войско хана, затем в жанре монгольского плача герой оплакивает свою смерть. Лейтмотивом проходит идея отрицания войны. Можно предположить, что особенность эмоционального мышления бурят оказала довлеющее влияние на тему песни, включив дополнительный мотив. Думается, продолжение монгольского оригинала песни новой идеей в какой-то мере является примером этнического отличия бурят от халха-монголов.

Доказательством того, что текст в подобных вариантах существовал в дореволюционное время на исторической родине бурят, является записанная фольклорной экспедицией Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в составе Л. С. Дампиловой и Б-Х. Б. Цыбиковой песня «Два скакуна богдо» (*Богдын хоёр загал*) у шэнэхэнских бурят Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Песня записана от Батсухын Ханды, 1936 г. р., род сагаангууд, в 2014 г. во Внутренней Монголии. По ее словам, бурятские песни она научилась петь от своей бабушки, приехавшей из России уже взрослой:

<i>Зэрэлгээтын шилэхэндэ</i>	‘На гребне Зэрэлгэтэ
<i>Зэрлигхэн буга дуудана.</i>	Дикие изюбры кричат.
<i>Зэрэгэлхэджэ харахада,</i>	Когда, сравнивая, смотришь,
<i>Богдын хоёр загал байна.</i>	Это два скакуна богдо.
<...>	
<i>Ама сагаан хуланые</i>	Белогубого саврасого,
<i>Арыен дабуулан намная.</i>	Преодолевая перевалы, погоним.
<i>Абын хаанай албанда</i>	На службу хана-отца
<i>Агсамханаар мордоё.</i>	Резво поскачем.
<...>	
<i>Хүлэр мунгэн саадагни</i>	Колчан мой в серебряной оправе
<i>Хүдөө газар жэбэрлээ.</i>	В степи заржавел.
<i>Хуугэд баахан бээмни</i>	Юное тело мое
<i>Хүнэй газар нүгшэлэй.</i>	На чужбине сгнуло’.
	[Цыбикова 2016: 154–156]

Эти два текста являются примером адаптации, трансформации и сохранности фольклорных материалов в разной этнической и языковой среде. Текст шэнэхэнских бурят, в котором отсутствуют вставки монгольского варианта, выглядит более компактным и однотипным. С небольшими лексическими и грамматическими отклонениями основной оригинальный текст соответствует версии бурят Монголии. Буряты, проживающие в Монголии, с одинаковой культурной и этнической традицией и языком принимающей стороны, песню, привезенную с исторической родины, адаптировали под монгольский вариант и трансформировали собственно бурятскую версию на монгольский лад.

Заклучение

Нами рассмотрены песни, имеющие локальный характер, и песни, входящие в общемонгольский репертуар. Так, песни о родственной связи хоринских бурят с Чингис-ханом и их прародине имеют локальное значение, относятся к истории и генеалогии хоринских бурят. Песни же с мотивом о погоне и по мотивам «Повести о двух скакунах Чингис-хана» связаны с общемонгольскими распространенными сюжетами.

Проведено контекстное сравнение песен о Чингис-хане российских и монгольских бурят с устной прозой и письменными памятниками. Анализ песен монгольских и российских бурят о Чингис-хане показывает их тесную связь с традиционными сюжетами топонимических преданий. Выявленная семантическая связь дореволюционной песни российских бурят о Чингис-хане с песней монгольских бурят о Тэмуджине доказывает сохранность единого архетипа предкового начала как этнического маркера.

Записанный нами вариант песни о Чингис-хане (*Зэрилгээтын шилэхэдэ*) у монгольских бурят в сравнении с версией шэнэхэнских бурят показывает заимствование и трансформацию известного халха-монгольского текста [ПМА 2012: Алтанцэцэг] с сохранением бурятского первоначального оригинала. Песни монгольских бурят раскрывают частичную сохранность собственно бурятского репертуара, заимствование у родственного этноса. Думается, что в данном случае в песне наблюдается процесс трансформации идентичности в зависимости от этнического окружения. Шэнэхэнские буряты, проживая долгое время в

изолированной замкнутой среде, смогли дольше всех сохранить устную культуру, аутентичный, наиболее старинный песенный репертуар, привезенный с исторической родины. В итоге исследования в целом можно констатировать этнокультурную однородность в песенном репертуаре бурят России, Монголии и Китая.

Полевые материалы автора

- ПМА 2012: Алтанцэцэг — Алтанцэцэг С., хори-бурятка, 1953 г. р., г. Чойбалсан, Дорнодский аймак, Монголия. Запись Л. С. Дампиловой, 2012 г.
- ПМА 2003: Бадмаев — Бадмаев Шагдур Маланович, 1924 г. р., буга шоно, эхирит, с. Баянгол, Баргузинский район, Бурятия (записано Л. С. Дампиловой, 2003 г.).
- ПМА 2010: Раднаева — Раднаева Санжай-Сурэн, 1947 г. р., с. Малый Нарын, Джидинский район, Республика Бурятия. Запись Л. С. Дампиловой, 2010 г.
- ПМА 2002: Цэвэлмаа — Цэвэлмаа Найдангийн, хори-бурятка, 1919 г. р., сомон Биндэр, Хэнтэйский аймак, Монголия. Запись С. Алтанцэцэг, 2002 г.

Источники

- Жамцарано 1906 — *Жамцарано Ц. Ж.* Материалы по шаманству Хоринского ведомства 1906 г. // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 921.
- Архив МШУА ХЗХ — Архив Института языка и литературы Монгольской академии наук.

Sources

- Jamtsarano Ts. J. Materials on shamanic practices from the Khori Administrative District, 1906. At: Institute of Oriental Manuscripts (RAS), Archive of Orientalists. Coll. 62. Cat. 1. Item 5. P. 921. (In Russ.)
- Mongolian Academy of Sciences, Institute of Language and Literature, Archives.

Литература

- Андреева 2014 — *Андреева Е. Д.* Фольклор. Культурный ландшафт. Этнокультурная идентичность // Фольклор и этнокультурная идентичность: мат-лы IV Междунар. Школы молодых фольклористов. СПб.: Ред.-издат. комплекс Рос. ин-та истории искусств, 2014. С. 7–23.
- Барадин 1999 — *Барадин Б.* Шэлэгдэмэл зохёолнууд (= Избранные труды). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 242 с.
- Зориктуев 2020 — *Зориктуев Б. Р.* Наян Наваа и проблемы этногенеза бурятской племенной общности хори. Улан-Удэ: Респ. тип., 2020. 76 с.
- Лотман 2000 — *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000. 704 с.
- Мальцев 1989 — *Мальцев Г. И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1989. 166 с.
- Маслова 2008 — *Маслова С. В.* Названия окрестности поселка Онохой Республики Бурятия // Имя. Социум. Культура: мат-лы II Байкальской междунар. ономастич. конф., 4–6 сент. 2008 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2008. С. 157–159.
- Небесная... 1992 — Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / сост., запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; пер. и предисл. А. И. Тугутова; комм. И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова, Л. Н. Нуркаевой. (Б-ка «Сибирская живая старина»). Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1992. 368 с.
- Позднеев 1880 — *Позднеев А. М.* Образцы народной литературы монгольских племен: народные песни монголов. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 346 с.
- Сокровенное сказание 1990 — Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 318 с.

- Шастина 1985 — *Шастина Н. П.* Монгольская литература [до конца XVI в.] // История всемирной литературы: в 8 т. / гл. редкол.: Г. П. Бердников и др. Т. 3 / редкол. тома: Н. И. Балашов (отв. ред.), И. С. Брагинский, П. А. Гринцер, Х. Г. Короглы, Д. С. Лихачев, Е. М. Мелетинский, А. Д. Михайлов, В. Б. Никитина, Б. Л. Рифтин. М.: Наука, 1985. С. 682–688.
- Этнический... 2012 — Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. 448, ил. [64] с.
- Цыбикова 2016 — *Цыбикова Б.-Х. Б.* Фольклор шэнэхэнских бурят / отв. ред. Л. С. Дампилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 312 с.

References

- Andreeva E. D. Folklore. Cultural landscape. Ethnocultural identity. In: *Folklore and Ethnocultural Identity. Seminar proceedings.* St. Petersburg: Russian Institute of Art History, 2014. Pp. 7–23. (In Russ.)
- Baradin B. *Selected Works.* Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1999. 242 p. (In Russ.)
- Krasovitskaya T. Yu., Tishkov V. A. (eds.) *The Shaping and Evolution of the Russian State: Ethnic and Religious Factors Reviewed.* Moscow: Novyi Khronograf, 2012. 448 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. *Semiosphere.* St. Petersburg: Iskustvo-SPB, 2000. 704 p. (In Russ.)
- Maltsev G. I. *Russian Folk Non-Ritual Lyrics: Traditional Formulas.* Leningrad: Nauka, 1989. 166 p. (In Russ.)
- Maslova S. V. *Village of Onokhoy, Republic of Buryatia: Names of neighborhoods revisited.* In: *Name. Society. Culture. Conference proceedings.* (September 4-6, 2008). Ulan-Ude: Buryat State University, 2008. Pp. 157–159. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. *Folk Literary Works of Mongolic Tribes: Folk Songs of Mongols.* St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 346 p. (In Russ.)
- Shastina N. P. *Mongolian literatura [to the late 16th century].* In: *Berdnikov G. P. et al. (eds.) The History of World Literature. In 9 vols. Vol. 3.* Balashov N. I. et al. (eds.) Moscow: Nauka, 1985. Pp. 682–688. (In Russ.)
- The Secret History of the Mongols.* S. Kozin (transl.). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1990. 318 p. (In Russ. and Bur.)
- Tsybikova B.-Kh. B. *Folklore of Shinehen Buryats.* L. Dampilova (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2016. 312 p. (In Russ.)
- Tugutov I. Ye., Tugutov A. I. (comps.) *The Heavenly Swan Maiden: Buryat Folktales, Fables and Legends.* I. Tugutov, A. Tugutov (rec.); A. Tugutov (transl., foreword), etc. Irkutsk: Eastern Siberia Book Publ., 1992. 368 p. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. *The Khori Buryat Tribal Community: Nayan Navaa and Issues of Ethnogenesis.* Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2020. 76 p. (In Russ.)